

OÙ EN SOMMES-NOUS ?

Une esquisse de l'histoire humaine

ЭММАНУЭЛЬ

ТОДД
**КУДА
МЫ
ИДЕМ?**

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ГЛАЗАМИ АНТРОПОЛОГА

Москва
2021

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
Т50

OUË EN SOMMES-NOUS?
UNE ESQUISSE DE L'HISTOIRE HUMAINE
Emmanuel TODD

© Editions du Seuil, 2017

Тодд, Эммануэль.
Т50 **Куда мы идем? : история развития человечества глазами антрополога / Эммануэль Тодд ; [перевод с французского]. — Москва : Эксмо, 2021. — 512 с. — (Популярная социология).**

ISBN 978-5-04-112113-6

В новой книге Эммануэля Тодда, известного французского историка и антрополога, представлена краткая история развития человечества. Ученый обращает свое внимание на такие показательные, по его мнению, общественные структуры, как экономика, образование, религия, семья и нация. Представляет свежий взгляд на историю человечества глазами антрополога. Проводит всесторонний анализ современного мира. Куда мы так стремительно движемся? Что сегодня происходит в мире? Что нас ждет завтра?

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-04-112113-6

© Тодд Э., текст, 2021
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Посвящается Лорану

Введение

Дифференциация семейных структур и историческая инверсия

Непонятная беспомощность охватила Запад на фоне технологической революции, для которой нет ничего невозможного. Товары, образы и слова циркулируют с огромной скоростью и совершенно свободно. Мы предчувствуем наступление медицинской революции, которая предоставит нам возможность значительного, если не фантастического, увеличения продолжительности человеческой жизни. За пятнадцать лет — с 1999 по 2014 год — число жителей планеты, пользующихся интернетом, выросло с 5% до 50%. Страны трансформировались в деревни, а континенты — в кантоны.

Но тем не менее в развитых странах царят упаднические настроения, противостоять которым невозможно. За те же пятнадцать лет средний доход семей в США снизился с 55 909 до 53 718 долларов¹. Выросла смертность белых американцев в возрастном диапазоне от 45 до 54 лет². Мощный электоральный протест все того же белого населения привел в ноябре 2016-го к выбору президентом США невероятного и внушающего беспокойство кандидата — Дональда Трампа.

И так или иначе, но остальные демократии ринулись вслед за Америкой по этому регрессивному экономическому и социаль-

¹ “Real Median Household Income in the United States”. Federal Reserve Bank of St. Louis.

² “Rising Morbidity and Mortality in Midlife Among White Non-Hispanic Americans in the 21 Century”. PNAS. www.pnas.org/cri/doi/10/1073/pnas.1518393112

ному пути. Рост неравенства и снижение уровня жизни молодых поколений — почти повсеместный феномен. И почти повсюду поднимают голову популистские политические формирования нового типа. Но во всех этих подражаниях Америке присутствуют свои, местные, варианты. В то время как Япония замыкается в себе, Европа, ведомая Германией, трансформировалась в огромную иерархическую систему, которая с еще большей фанатичностью, чем США, претворяет в жизнь идею экономической глобализации.

Экономика не является тайной за семью печатями

Экономическое объяснение этих феноменов не представляет сложности. С 90-х годов прошлого века они подвергались глубокому критическому анализу. Свободная торговля и свободное перемещение капиталов, с одной стороны, позволяют повысить норму прибыли. Но с другой — приводят к снижению доходов граждан, росту неравенства, глобальному падению спроса, а в результате безудержной погони за прибылью вызывают все новые экономические кризисы. Развитие техники принесло человеку самого передового мира не свободу, а угнетение. Страх безработицы вкупе со снижением уровня жизни, выливающийся порой в сокращение ее продолжительности, привел к тому, что современность стала напоминать бегство в противоположную от цивилизации сторону — в рабство. И такой откат на протяжении всего лишь одного поколения потрясает любого человека, познавшего мечты о свободе, расцветшие в 1960-е годы.

Те, кого интересуют подробности экономической «механики» этих феноменов, могут воспользоваться огромным количеством литературы. Например, проштудировать труды Джозефа Стиглица, Пола Кругмана и Томаса Пикетти о динамике неравномерности ее депрессивного воздействия. Отметим, что некоторые экономисты довели свои исследования до логического конца: например, Джеймс Гэлбрейт доказал, что ультралибералы в целях собственного обогащения возлагают большие надежды на государство. А Пьер-Ноэль Жиро пришел к выводу, что “*homo oeconomicus*” в логике своего развития вполне может прийти к утверждению о существовании «беспольных людей».

Остается только добавить, что большинство экономистов, вышедших из истеблишмента, являются слабыми и иногда вообще не уделяют внимания критике свободной торговли. Им даже не хватает смелости для того, чтобы продемонстрировать свою умеренность хотя бы упоминанием о некоторых механизмах контроля над ней. Проявление подобной смелости граничило бы с безрассудством и могло бы негативно повлиять на их положение в университете. Или, что еще хуже, на систему распределения профессиональных наград. Но эта их пассивность не является для нас большой потерей. Мы с легкостью найдем все, что нам нужно о реальном влиянии свободной торговли в «Национальной системе политической экономии» Фридриха Листа, которая датируется... 1841 годом. Это классический труд, к которому мы могли бы добавить несколько статей Кейнса и недавнюю книгу корейца Ха-Джун Чанга, преподающего в Кембридже¹. В «Экономической иллюзии», вышедшей в 1997 году, я особо отметил депрессивное влияние свободных, нерегулируемых рынков на глобализующуюся экономику². Кстати, можно также упомянуть, что Адам Смит даже не рассматривал в своем знаменитом труде «Богатство народов» возможность разгула свободной торговли, отрицающей реальное положение вещей и высшие интересы каждой нации.

Несмотря на качество всех этих работ, мы должны допустить, что регрессия развитого мира как исключительно экономический феномен не может являться предметом исследования, представляющим для нас большой интерес. И единственное, что по-прежнему привлекает мое внимание, это чувство беспомощности, охватывающее людей в такой ситуации, несмотря на все наши усилия понять и объяснить ее. Короче говоря, нам известен диагноз, но мы ничего не делаем, а просто пассивно наблюдаем за протеканием экономических явлений в их последовательности.

Великая рецессия 2008/09 года породила ощущение, что возврат к кейнсианской модели экономики, основанной на восстановлении тарификационных барьеров, необходим нам как воздух.

¹ Friedrich List, "Système national d'économie politique", Paris, Gallimard, 1998; John Maynard Keynes, "La Pauvreté dans l'abondance", Paris, Gallimard, 2000; Ha-joon Chang, "Kicking away the Ladder. Developmental Strategy in Historical Perspective", Londres, Anthem Press, 2003.

² Emmanuel Todd, "L'Illusion économique", Paris, Gallimard, 1998, 1999.

Падение спроса вызывает большую озабоченность, и именно эта проблема легла в основу знаменитой «Общей теории занятости, процента и денег» Кейнса. Даже минимальное наличие здравого смысла приводит нас к заключению, что без протекционизма внутреннее оживление закончится тем, что мы будем способствовать увеличению спроса у соседей, а не у себя. Американские, английские и французские журналы объединились на короткое время в чествовании “come-back” («возвращения») Кейнса. Роберт Скидельски, один из самых известных его биографов, даже написал книгу «Кейнс. Возвращение Мастера»¹.

Однако в 2010–2015 годах мы были вынуждены констатировать исчезновение этого временного прояснения сознания. В ходе американских выборов 2016 года внезапное возникновение дебатов о свободной торговле и протекционизме, в которых принимали участие Берни Сандерс и Дональд Трамп, застало врасплох журналистов и политиков и привело в ярость именитых экономистов. 16 лауреатов Нобелевских премий и 200 членов самых престижных университетов составили петицию против Трампа и в защиту принципов свободной торговли. Однако это не убедило американский народ, он остался глух к красоте теорий, поскольку условия его жизни оставляют желать лучшего. И сможем ли мы сегодня себе объяснить поведение упорствующих в своем интеллектуальном отставании компетентных элит, которые, как в США, так и в Европе, сначала отрицали удушающее влияние свободной торговли, а теперь отрицают законность избрания Трампа? Как объяснить этот широкомасштабный отказ серьезных людей, получивших престижное образование, от реальностей мира? Вот в чем кроется настоящая тайна.

Между 2010 и 2016 годами возобновился рост неравенства в обществе, а дефицит спроса в мировом масштабе принимает все более угрожающие масштабы. Темпы роста экономики развивающихся стран снизились, и в Бразилии, к примеру, упали почти до нуля. И даже Китай, этот мировой завод, задыхается в промышленных отбросах, достойных XIX столетия. Он балансирует на краю пропасти, находясь в двух шагах от жесточайшего экономического кризиса с непредсказуемыми геополитическими последствиями. В этом экономическом мире, чья политическая система

¹ Скидельски Роберт. Возвращение мастера. — М.: Альпина, 2011.

трещит по швам, нас почти каждый день предупреждают об опасности «популизма», угрожающего нашим ценностям, которые мы обязаны защищать. Но что это за ценности? Неравенство? Бедность? Неуверенность в завтрашнем дне? Отсутствие безопасности? О, нет. Благодарим покорно «либеральную демократию», превратившуюся в пустой звук, лишенную истинных ценностей, из которых слагаются суверенность народа, равенство людей и их право на счастье.

То, о чем мы будем рассуждать в этой книге, строго говоря, не имеет прямого отношения к экономике. Скорее, речь пойдет о невозможности реального осознания сложившегося положения вещей, которое современный историк обязан понять. И для этого нам потребуются допустить, что история не ограничивается только экономической сферой и что некоторые жизненные трансформации происходят в самых глубоких слоях социальной жизни.

Структуры, о которых я упоминаю, банальны и вполне очевидны. И нам предстоит допустить, что они играют в жизни человека гораздо более серьезную роль, чем экономика: воспитание, образование, религия, семья. Нация, наконец. Все они представляют лишь позднюю и современную форму принадлежности к группе, без которой жизнь *homo sapiens* не имеет смысла.

На страницах этой книги я хочу предложить вам антропологическое видение истории. Но сразу же хочу уточнить, что я никоим образом не исповедую презрения к экономике.

Ничтожность заключений экономистов — выходцев из истеблишмента, университетов или из среды банковских наемных работников — не должны вызвать в нас полного отторжения экономического анализа как такового. И мы постараемся сохранить в памяти такой дорогой и полезный для рационального человека постулат: этот *homo oeconomicus* — эгоист. Но не стоит также забывать, что *homo oeconomicus* не может жить и действовать в пустоте. Его возможности и цели определяются группой, семьей, религией, воспитанием. Существует рыночная логика. И как в 1714 году утверждал Бернард Мандевиль в «Басне о пчелах» («Частные пороки — общественные выгоды»), капитализм с точки зрения морали использует наименее альтруистичные характеристики человека, чтобы с наибольшей эффективностью заставить функционировать систему производства. Адам Смит в 1776 году в своем труде «Богатство народов» изложил менее агрессивное видение

экономической оптимизации, отдав предпочтение слиянию эгоистических устремлений индивидуумов. Но именно моральная проблематика подхода Смита должна вызвать в нас желание исследовать более мощные глубины социальной жизни, чем те, которые задействованы экономической системой. Я имею в виду те слои, где происходят ментальные трансформации, определяющие условия экономического движения.

Кризис развитых стран

В 2017 году мы можем с полной уверенностью утверждать, что политическая экономика не сможет постигнуть и объяснить все те огромные потрясения, которые происходят на наших глазах. И чтобы разобраться в них, обратимся к опыту самых развитых государств. Современные сложности, переживаемые Бразилией или Китаем, лишают нас иллюзии, что история отныне будет определяться странами с экономикой догоняющего типа. Нет. Именно в США, Европе и Японии определяются правила игры экономической глобализации. И именно эта триада начиная с 1980-х годов задействовала активное население третьего мира, недавно овладевшее грамотностью. Одновременно она притесняет своих собственных тружеников ради того — и я не могу об этом не упомянуть, — чтобы в глобальном масштабе поднять норму прибыли. Доминирование развитого и стареющего мира еще больше выражается в том, что он привлекает в свои ряды активное население, получившее образование за его пределами. Тем самым он лишает периферийные страны рабочих, техников, программистов, медсестер, врачей, людей творческих профессий, осуществляя ради собственного выживания хищническое демографическое разграбление. И это разграбление человеческих ресурсов гораздо опаснее распыления природных богатств. Поскольку, в некотором смысле, оно ставит под удар развитие стран третьего мира, лишая их специалистов и уничтожая местный средний класс.

И хотя мировая власть ведет решительное наступление в планетарном масштабе, России, — старой европейской державе, единственной стране, сохранившей независимость от системы глобализации, — удалось удержаться на своих позициях. Глав-

ные действующие лица Второй мировой войны все еще находятся у руля и продолжают творить мировую историю. Но внутри их сообществ происходят потрясения такого масштаба, что можно говорить об антропологической трансформации, сравнимой скорее с неолитической, чем с индустриальной революцией. И точно так же, как и в период перехода к оседлому образу жизни и занятию земледелием, современные трансформации мира затрагивают жизнь человеческого рода во всех ее проявлениях. Напомним их главные элементы.

— Массовое обогащение всех, но главным образом среднего класса и широких народных слоев в период между 1920 и 1960 годами в США и между 1950 и 1990 годами в Европе и Японии, где фиксировалось внезапное повышение уровня жизни. Психологические последствия этого скачка неисчислимы.

— Резкое снижение рождаемости в период между 1960 и 1980 годами.

— Увеличение продолжительности жизни и старение населения в масштабах, доселе невиданных в истории. До середины XX века средний возраст европейцев балансировал в пределах 20–25 лет. В 2015-м он повысился до 41,7 года. Средний возраст англичан, совершивших революцию 1688 года, составлял около 25 лет. Промышленная революция снизила его до 20 лет в 1821 году, и он оставался на уровне 22 лет в 1871-м. А в 2015 году он достиг уже 40 лет. В 1900-м средний возраст американцев составлял 22,9 года, в 1950-м — 30,2 года. Рост рождаемости после войны временно снизил его до 28,1 года в 1970-м, но к 2015 году он повысился до 38,3 года. То есть за период около 45 лет рост составил 10 лет.

— Впечатляющий рост уровня образования. Развитие средних и высших образовательных систем в США за период между двумя войнами, а также после 1950 года в Европе и Японии, привело к новому культурному расслоению. Итог: 40% составили люди с высшим образованием, 40% — со средним специальным образованием и 20% — население, разделенное на лиц «без дипломов» и «функционально неграмотных», то есть неспособных овладеть чтением и письмом. Национальные различия здесь также принимаются в расчет.

— Образовательное превосходство мужчин над женщинами. И в этом случае глубокое расхождение по нациям принимается во

внимание. С точки зрения специалиста по семейным структурам, все это свидетельствует о впечатляющих переменах.

— Окончательный закат религии, включая, разумеется, и США.

— Крах традиционной модели заключения брака, унаследованной от религиозных времен.

Можно и далее продолжать этот список, увеличивая количество примеров глобальных перемен.

Таблица 0.1. Продолжительность жизни и старение

	Продолжительность жизни, 2015		Средний возраст		Старение
	Мужчины	Женщины	1950	2015	1950–2015, в годах
США	76	81	30	38,3	8,3
Великобритания	79	83	34,9	20,0	5,1
Австралия	80	84	30,4	37,5	7,1
Канада	79	84	27,7	40,6	12,9
Германия	78	83	35,3	46,2	10,9
Швеция	80	84	34,2	41,0	6,8
Япония	80	87	22,1	46,5	24,4
Южная Корея	79	85	19,0	40,6	21,6
Франция	79	85	34,7	41,2	6,5
Италия	80	82	28,6	45,9	17,3
Испания	80	85	27,5	43,2	15,7
Россия	65	76	23,3	38,7	15,4
Китай	73	78	23,7	37,0	13,3
Ближний Восток	71	76	20,8	26,3	5,5

Учет представленных здесь изменений приводит нас к более углубленному видению индивидуума, обычно весьма односторонне представляемого экономистами. Мы, конечно, можем продолжать ставить во главу угла гипотезу о рациональном поведении человека, одновременно спрашивая себя, как меняются его экзистенциальные цели, когда статистически он становится богаче, старше, образованнее, женственнее, исключительнее...

И, разумеется, только ведя пристальное наблюдение за эволюцией всех этих реальных индивидуумов, мы сможем определить

исторические условия, вызвавшие чувство беспомощности, охватившее развитые страны. Для реализации этой задачи во всей ее полноте и сложности нам придется добавить к экономике еще три сферы наших исследований, отмеченные печатью эволюции: воспитание (образование), религия и семья. Принадлежность к национальной группе является константой, структурным элементом, влияние которого мы должны обязательно учитывать. В отличие от сторонников глобализации, мы не позволим себе фантазировать на тему возможного исчезновения этого элемента. И сейчас будет уместно ответить на главный вопрос, поставленный в самом начале книги. Если мы не понимаем, что сегодня происходит в мире, то не происходит ли это потому, что доминирующая идеология, благословляющая ложные убеждения и верования, является главным препятствием на пути к глубокому и правильному пониманию мира? Поскольку, когда реальность заявляет о себе в полный голос, те, кто исповедует доминирующую идеологию, объявляют вторичным то, что является первичным. Или даже принимают следствие за причину, а причину — за следствие.

***Сознание, подсознание и бессознательное общество:
экономика и политика, воспитание и образование,
семья и религия***

Упрощенная модель, имитирующая трехкомпонентную психическую структуру личности, разработанную Зигмундом Фрейдом, даст нам возможность послыжного исследования человеческих обществ и их эволюции. На поверхности истории мы находим то, что является сознанием, экономикой экономистов, о которой нам ежедневно вещают средства массовой информации. В ее доминировании нас пытается убедить неолиберальная ортодоксия, демонстрируя тем самым странный возврат к марксизму. Политика, разумеется, также соотносится с сознанием, а также с шумихой, создаваемой ею.

Углубляясь далее, мы обнаружим подсознание общества, то есть воспитание и образование, — тот слой, значение которого ощущают на себе граждане и комментаторы всех мастей, когда думают о своей реальной жизни. Хотя ортодоксия отказывается признать в полной мере его доминирующий характер, оказыва-